

УДК 130.2

DOI: 10.37482/2287-1505-V081

*ТРУФАНОВА Елена Олеговна, доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН (Москва). Автор более 100 научных публикаций**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2215-1040>

ЭСКАПИЗМ: МЕЖДУ ПРИРОДОЙ И КУЛЬТУРОЙ

В статье исследуется феномен эскапизма, который предлагается рассматривать как естественную потребность человека, имеющую не только негативную, но и продуктивную форму. Анализируется предлагаемое культурным географом И-Фу Туаном представление об эскапизме как о «бегстве» человека от природных опасностей путем преодоления их с помощью создания культуры и «второй природы». Показывается, что, действительно, даже самые близкие к природе человеческие сообщества не способны выжить без культуры и технологий. Демонстрируется, что в конце XVIII – начале XIX века в результате научно-промышленных революций в культурном течении романтизма возникает отторжение техногенного общества и рациональности и пробуждается интерес к природе как отражению эмоционального, интуитивного начала человека. Дикие природные ландшафты, к которым стремится «убежать» представитель романтизма, не только привлекательны сами по себе – их созерцание является способом постижения внутреннего мира человека. Дикая природа привлекает романтика тем, что наедине с ней он свободен от давления общества, которое становится массовым и все более бюрократизированным. В эпоху появления Интернета сначала возникает тенденция «бегства» в виртуальный мир, где нет никаких ограничений, однако со временем Интернет становится неотъемлемой частью социальной жизни всех людей, и тогда его «эскапистская» привлекательность утрачивается. Напротив, возникает обратное желание – «бежать» из Интернета (который можно рассматривать в качестве «третьей природы») и существующего в нем неусыпного социального контроля со стороны других пользователей обратно в «реальный мир», т. е. мир «оффлайн». Таким образом, автор делает вывод, что эскапизм не провоцируется только природными угрозами или общественным давлением, человек бежит не от природы и не от культуры, он всегда бежит от ситуации, в которой ему плохо, в поисках той ситуации, где ему будет хорошо. И в этом поиске своего места он может выступать активным творческим преобразователем мира.

Ключевые слова: эскапизм, романтизм, путешествие, природа, культура, цифровые коммуникации, Интернет, давление общества.

*Адрес: 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: eltrufanova@gmail.com

Для цитирования: Труфанова Е.О. Эскапизм: между природой и культурой // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2021. № 1. С. 125–134. DOI: 10.37482/2287-15 05-V081

«Сбежать от всего этого» – желание, которое знакомо любому человеку. «Все это» – необязательно проблемы, беды и невзгоды, это прежде всего обыденность, рутина и *несвобода* в самом широком смысле слова – скованность обстоятельствами, невозможность полной самореализации, социальные ограничения и т. д. В период пандемии коронавируса множество людей, оказавшись запертыми в своих квартирах, особенно остро ощутили потребность в бегстве куда угодно, лишь бы за пределы опостылевших четырех стен. Наличие еды и воды, тепла, крыши над головой, денег на счете и физического благополучия оказывается недостаточным для того, чтобы человек чувствовал себя удовлетворенным – однообразие сводит с ума. Тюремь во многих европейских странах сейчас часто критикуют за излишнюю гуманность – комфортные комнаты вместо угнетающих камер напоминают скорее гостиничные номера со всеми удобствами (есть даже случаи, когда бывшие тюрьмы превращали в гостиницы!), а обращение с заключенными вполне уважительное. Однако это все равно остается наказанием – не просто сам факт ограничения свободы, но именно невозможность вырваться из однообразия жизни в заключении. Эта присущая человеку тяга к «бегству» от однообразия и обыденности носит название эскапизм.

Слово «эскапизм», как правило, звучит в негативном ключе – как обвинение человека в том, что он не хочет пытаться справиться с какими-то трудностями, не хочет занимать активную позицию, а вместо этого пытается «убежать», погружаясь в пустые развлечения, превращая всю свою жизнь в игру [1], или пассивно прокрастинировать (прокрастинация – одно из любимейших современных слов, своеобразный эвфемизм лени, возводящий ее в статус особого психического состояния, возможно, даже заболевания). Тем не менее ряд психологов различают «положительную» (продуктивную) и «отрицательную» (деструктивную) формы эскапизма [2]. Эскапизм в своей продуктивной форме может выступать как залог любой творческой деятельности, поскольку в творческом

акте всегда происходит выход за пределы привычного, устоявшегося, обыденного. Эскапизм – это естественная потребность человеческого сознания в поиске новизны [3]. Автор одного из наиболее интересных современных исследований об эскапизме, представитель культурной географии И-Фу Туан даже предлагает следующее определение человека, основанное на представлениях о его потребности в «бегстве» от реальности: «Человек – это животное, которое обладает врожденным нежеланием принимать реальность такой, какая она есть на самом деле... Видеть то, чего на самом деле нет, – эта способность лежит в основе всей человеческой культуры» [4, р. 6].

Разумеется, не любой эскапизм является творчеством. Включить сериал после тяжелого рабочего дня и погрузиться в перипетии страданий героев, забыв о своих, никак не способствует творению нового. Но в то же время без эскапизма, без раздвигания границ повседневности никакое творчество невозможно. Эскапизм, таким образом, выражается через метафору «бегства», т. е. определенного путешествия с целью спасения – от опасности, от скуки, от рутины, от отсутствия новизны и т. д., но это «бегство», взятое в позитивном смысле, является *поиском* – новых возможностей, новых смыслов.

Бегство от природы к культуре. В последние полвека проблема эскапизма чаще всего рассматривается в контексте влияния новых медийных технологий, создающих «искусственную» или «виртуальную» реальность, в которую человек стремится «убежать», однако это только одна из множества форм проявления эскапизма [5]. Исторически эскапизм часто сводится к фундаментальному противостоянию естественного и искусственного, природы и культуры.

На протяжении всей истории классической философии, начиная по меньшей мере с Сократа, главным свойством человека, отличающим его от других живых существ, считался разум. Разумное начало противопоставляется животной природе человека, позволяет контролировать ее и помогает более эффективно взаимодействовать с другими людьми и в этой

совместной деятельности создавать «надстройку» над природой – культуру. Еще античная мысль хорошо себе представляла этот разрыв и радикализовала его – «фюзис» (природа) и «технэ» (искусственное) противопоставлялись настолько, что античная наука не видела путей к их пересечению. Но в то же время античность рассматривает произведения ремесленной деятельности и искусства как «вторую природу», созданную путем «мимесиса» – подражания «первой природе». Так или иначе, человек не только творит «вторую природу», но и сам является результатом столкновения двух миров – чисто природного (животного) начала и социальных отношений, порождающих культуру. При этом социальные связи – необходимый инструмент выживания в противостоянии враждебным силам природы. Человек появляется на свет физически неприспособленным к самостоятельному выживанию: он нуждается в кормлении, уходе и защите, которую могут обеспечить только другие представители человеческого рода (в очень редких случаях, описанных как кейсы с «феральными» детьми («детьми-Маугли»), – эту роль берут на себя животные). Таким образом, выживание человека завязано на его социальные отношения. Не только ребенок нуждается в родителях, но и взрослые люди нуждаются в других людях для более эффективного осуществления стратегий выживания: совместной добычи пищи, совместной защиты от врагов и т. д. Социальные связи характерны, разумеется, как для человека, так и для целого ряда других живых существ, однако лишь человек в ходе своей социальной деятельности создает не только «вторую природу» в виде артефактов (бобровая плотина или улей тоже могут рассматриваться как «вторая природа»), но и особый пласт символических структур, формирующий особую совокупность «идеального» (по Э.В. Ильенкову).

Эволюция человека – биологическая и социальная – приводит к его отрыву от физического мира природы и погружению в мир социокультурный, в котором основной акцент делается не на вещи, которые окружают человека, а на их

символические значения. «Физическая реальность как бы отдалается по мере того, как растет символическая активность человека. Вместо того чтобы обратиться к самим вещам, человек постоянно обращен на самого себя. Он настолько погружен в лингвистические формы, художественные образы, мифические символы или религиозные ритуалы, что не может ничего видеть и знать без вмешательства этого искусственного посредника» [6, с. 29]. Этого требуют от индивида стратегии выживания: для добычи пропитания, защиты жилища и жизни (своей лично и своего потомства) человек использует данные ему природой способы адаптации – свой интеллект – для создания артефактов (бытовых инструментов, оружия, посуды, одежды, построек и т. д.). Известно, что множество диких животных живут в неволе намного дольше своих «вольных» сородичей – в дикой природе животные сталкиваются с большим количеством угроз и болезней, с которыми они не всегда способны справиться самостоятельно, тогда как животных, содержащихся в неволе, кормят, лечат, они защищены от любых естественных угроз и потому живут дольше. Человек в дикой природе, так же как его «младшие братья» по царству животных, выживал бы не многим лучше, а то и хуже, чем прочие животные, если бы не его способности к целесообразному преобразованию окружающей среды. Там, где животное защищается своими зубами и когтями, человек создает ножи, копья и ружья. Животное поддерживает тепло за счет толстой шкуры и меха, а человек учится разводить и сохранять огонь. Человек «бежит» от опасностей живой природы путем создания искусственных способов противостояния им.

В философской литературе часто противопоставляются два типа цивилизаций – техногенная и традиционалистская [7]. При этом предполагается, что в отличие от техногенной цивилизации, с ее ценностью инноваций и направленностью на преобразование мира с помощью науки и техники, традиционалистская цивилизация стремится жить в гармонии с природой, ей присуще иное понимание места

человека в природе – не как преобразователя и творца, противостоящего природе, а как неотъемлемой составной части общей системы природы. Однако и те цивилизации, которые принято относить к традиционалистским, все равно развивают ремесла, создают произведения искусства и т. д. Одна из известных голливудских утопий на тему живущего в полной гармонии с природой общества инопланетян с планеты Пандора (фильм «Аватар») показывает, что эти инопланетяне, тем не менее, носят одежду, украшения и используют оружие. Традиционалистская Япония, которая только в XIX веке становится на «западный» путь модернизации, владела до этого и литьем металлов, и кораблестроением, и высоким кузнечным мастерством, не говоря уже о целом ряде иных искусств и ремесел [8]. Даже в традиционалистском обществе для выживания используются технические средства, хотя и не в том объеме и не в той степени развития, что в техногенном обществе.

Как пишет японский философ Тобонобу Имамита, окружающая человека среда не может быть представлена только дикой природой, он предлагает понятие «технологического соединения»: «Поскольку дикая природа не может обеспечить безопасность жизни человека, человек начал создавать машины. Мир, в котором эти машины соединены друг с другом является технологическим соединением, и он стал частью нашей окружающей среды, наряду с природой... Конечно, нет необходимости напоминать, что природа тоже является нашей окружающей средой, и атмосфера, солнечный свет и земля очень важны. Но в нашей повседневной жизни мы не можем говорить о нашей окружающей среде, не упоминая технологического соединения» (цит. по: [9, р. 244]). Среда обитания человека всегда является естественно-искусственной.

И-Фу Туан рассматривает эскапизм в самом глобальном смысле как бегство человека от природы, и результатом этого бегства является создание человеческой культуры. Он пишет: «Полчаса назад я гулял по берегу озера. Начался дождь, и я убежал (escaped) к себе в комнату. Моя комната – мой дом – гавань, маленький

мир, созданный для того, чтобы защитить меня от природных угроз. Эти размышления натолкнули меня на одну мысль. Что в культуре – начиная от домов и заканчивая религией – не является формой бегства?» [4, р. xi]. Он отмечает, что даже охотники-собиратели, использующие минимальное количество технических инструментов, т. е. наиболее близкие к природе представители человечества, тем не менее пользуются таким культурным инструментом, как язык, с помощью которого они создают картины воображаемых миров для собственного отдыха, удовольствия или успокоения. Таким образом, человек нуждается в «бегстве» от природы и осуществляет его при помощи культуры во всех ее проявлениях – от техники до искусства, от разведения огня, который защитит от ночного холода и отпугнет хищников, до сочинения истории, которая позволит на время перенестись в мир за пределами приземленного «здесь и сейчас», расширить горизонты повседневного бытия.

Если в рамках традиционалистской цивилизации техника развивается сравнительно медленно, то для техногенной цивилизации характерны быстрое развитие и смена технологий (само понятие «научно-технической революции» говорит о стихийном «взрыве» новых технологий, скачкообразном прогрессе), а также высокая степень зависимости социальных отношений от технического прогресса. Важнейшим событием в новой европейской истории является, таким образом, промышленный переворот конца XVIII – начала XIX века и индустриализация. Культ Разума эпохи Просвещения и вызванная им научно-техническая революция, сделавшая возможным массовое индустриальное производство, а также способствовавшая «вторжению» техники во все сферы человеческой жизни (газовое освещение на улицах, паровые двигатели в наземном и водном транспорте, телеграфная связь и мн. др.), привели к усилению отчуждения человека от природы, от естественной среды, что вызвало у многих современников промышленной революции страх и недовольство изменениями

(наиболее полно это было выражено представителями романтизма). Возникла потребность в обратном «бегстве» – бегстве от технологий к природе.

Романтизм: бегство обратно к природе?

Изменения, которым общество подвергалось в результате научно-технической революции, воспринимались неоднозначно: кто-то приветствовал научно-технический прогресс, видя за ним светлое будущее и решение всех проблем человечества, кто-то категорически отрицал технические новинки, а представители романтизма воспринимали приход новой эпохи как угрозу истинной природе человека и его подлинным взаимоотношениям с окружающим миром, но прежде всего – с самим собой. «Прогрессисты» призывают отбросить старые предрассудки и поросшие быльем традиции, однако романтики видят в этом угрозу культурной и национальной идентичности и стремятся, напротив, искать подлинное не в технических новинках, а в древних мифах, обрывочных сведениях о ранней истории полузабытых народов и т. д. В период романтизма рождаются новые (или открываются заново хорошо забытые старые) эпосы – скандинавская, германская, кельтская мифология, заново переосмысливается классическая мифология Древней Греции и Рима, собираются сведения о цивилизациях Древнего Востока, о культуре кельтов, пиктов, этрусков и т. д. В эту эпоху собирают старые народные сказания братья Вильгельм и Якоб Гримм, пишет свои пропитанные фантастическим произведением Эрнст Гофман, возрождает легенду о Нибелунгах в своем оперном цикле Рихард Вагнер. Художники этой эпохи также стараются уйти от тусклой повседневности в мир, насыщенный воображением.

Романтики пытаются бороться с засильем рационального, интеллектуального начала человека, противопоставляя ему интуитивное, иррациональное, эмоциональное начало. Подобно тому, как в начале XX века представители «культуркритики» техники Н.А. Бердяев и С.Н. Булгаков видели в технологиях воплощение ультра-рациональной машины тоталитарных

режимов [10], так и романтики проводили параллели между распространением влияния индустриализации и давлением общества на свободную натуру индивида. В эпоху Просвещения бытовал образ «благородного дикаря» – природно добродетельного человека, не испорченного цивилизацией, но для романтиков было интересно необузданное природное начало человека, подобное бушующей стихии (позже оно превратится в фрейдистское Id). При этом соблазн технологии, с точки зрения романтизма, оборачивается катастрофой – подобно той, к которой приводит эксперимент доктора Франкенштейна в романе Мэри Шелли (созданное доктором человекоподобное существо, сшитое из частей человеческих тел и воскрешенное с помощью электричества (новой, еще малопонятной силы в XIX веке), оказывается опасным монстром).

Спасение от новых технологий, от социальных условностей и постоянно разрастающейся в связи с массовизацией общества бюрократической машины, от сковывающих естественные порывы христианских традиций и ценностей романтики видят в дикой природе, которую, как правило, представляют как необузданную стихию, которая одновременно и угрожает человеку, и связана с ним особыми родственными и почти магическими узами. Природа переживается экзистенциально, именно находясь среди «дикой» природы человек, с точки зрения романтиков, подлинно свободен. Именно в эпоху романтизма входят в обиход туризм, альпинизм, пикники на свежем воздухе. Именно здесь проявляется в наибольшей степени эскапистское сознание, стремящееся к путешествию.

Романтики не просто бегут из привычных им мест, как правило, из городов, в поисках чего-то нового или в поисках уединения. Они, удаляясь «на лоно природы», подальше от других людей, стремятся искать в природных ландшафтах особые смыслы – не только созерцая их, но и преобразуя. Наибольшее воздействие на романтическую фантазию оказывает сочетание дикой природы и рукотворных объектов. Руины старых построек (в особенности, средневековых замков и церковных сооружений, а также

античных храмов), архитектурные памятники неолитической эпохи, вписываясь в природный ландшафт, создают особый контраст между вечным и временным – вечной природой и временным бытием человека, чем усиливают эффект «возвышенного» (в терминах эстетики Канта), возбуждают экзистенциальное чувство. Созерцание руин становится настолько модным, что в ландшафтно-парковой архитектуре конца XVIII – начала XIX века возникает тенденция украшения парков «фальшивыми» руинами, для придания некоторым уголкам парка «романтического» флера, располагающего к задумчивости. Садовое искусство эпохи романтизма формирует жанр пейзажных парков, в которых создается иллюзия естественности пейзажа (в отличие от регулярных парков эпохи барокко), хотя на самом деле создатель парка точно планировал, где должно расти одинокое дерево, а где пробежать русло ручейка – в соответствии со своим изначальным эстетическим замыслом. Романтический сад должен был вызывать у посетителей иллюзию путешествия, поэтому его насыщали фрагментами разных природных ландшафтов, имитирующими различные уголки света, беседками и руинами в стилях разных стран.

Еще один любимый элемент «романтического» пейзажа – туман. Он часто использовался художниками-романтиками: можно вспомнить самую известную, пожалуй, картину эпохи романтизма – «Странник над морем тумана» К.Д. Фридриха. Туман скрывает фрагменты пейзажа, вызывая ощущение таинственности и нереальности. Вся эстетика готического романа с его мрачными старинными замками и особняками, непогодой, потусторонними явлениями и таинственными происшествиями отражает эстетику романтизма. Эта эстетика сосредоточена вокруг категории «возвышенного»; эстетическое чувство в данном случае выражается в сплаве удовольствия и негативного переживания: романтикам «будет доставлять эстетическое удовольствие изображение различных природных, психологических аномалий, всевозможных отклонений» [11, с. 291], хаос против порядка, «дионисийское» начало

против «аполлонического» (как это опишет Фридрих Ницше).

Итак, романтизм как бы протестует против процессов «расколдовывания мира» и стремится противопоставить торжеству технорациональности эмоционально-интуитивное начало, связывающее человека с природой. Еще Фридрих Шиллер в стихотворении «Боги Греции» (*Die Götter Griechenlandes*) пишет с сожалением о мире, которым вместо древних богов правит закон тяготения, об «обезбоженной» природе (*die entgötterte Natur*). Однако означает ли это, что романтическое «бегство» является именно бегством к природе как таковой, возвращением к естественному миру от искусственного? Судя по всему, природа не является самоцелью, она представляет интерес лишь в качестве противопоставления цивилизации, и в ходе путешествий к дикой природе человеку важна лишь «смена декораций», тогда как в природных явлениях человек ищет уже заложенные им смыслы и образы, а не возвращается к изначальному, «незапятнанному» (культурой) состоянию. Важна не сама природа, а то, как человеческий дух откликается на нее. Обращение к природе здесь – это поиск свободы от социальных ограничений: природа, в отличие от других людей, не заставляет человека быть кем-то иным, напротив – она позволяет ему углубиться в себя, более полно раскрыть свое «Я». Независимо от того, куда бежит человек – в мегаполис из глухой деревни или в домик в лесу из мегаполиса, – его непосредственное «физическое» бегство является второстепенным: цель этого бегства – изменение собственного субъективного мира.

Таким образом, интерес романтиков к природе вырастает прежде всего из их интереса к внутреннему миру человека, к интроспекции, к анализу чувств и переживаний индивида. Человек бежит к природе не потому, что хочет раствориться в ней, а потому, что она позволяет ему более полно раскрыть и познать себя, что возможно сделать только потому, что человек является социокультурным существом. Глядя на туман, окутывающий каменные столбы Эльбских Песчаниковых гор, странник с картины К.Д. Фридриха не размышляет о кра-

сотах природы – он размышляет о себе, а окружающий пейзаж является скорее отражением его внутреннего мира.

«Бегство» от «третьей природы». Человек, как мы уже выяснили, вынужден творить «вторую природу» для того, чтобы выжить – это не только создание артефактов, но и адаптация естественной природной среды для своих нужд. В последней четверти XX века возникает новая сфера, в которой разворачивается деятельность человека, – сфера цифровых коммуникаций, которую можно было бы назвать уже «третьей природой». Если «вторая природа» – это видоизмененный человеком окружающий мир, то сфера цифровых коммуникаций создает особую, новую «надстройку» над ним, но не материальную, а виртуальную, на первый план выходит новый тип технологий – информационно-цифровые технологии.

Поначалу эта надстройка играла во многом ту же роль, которую дикая природа играла для романтиков – виртуальное цифровое пространство манит своей свободой и вседозволенностью, оно становится целью эскапистского бегства. В цифровом пространстве в начале его формирования царила анонимность, которая позволяла индивиду, не боясь общественного осуждения, пробовать себя в новых ролях, быть кем-то другим или, возможно, быть *самим собой*, свободным не только от давления общества, но и от ограничений собственной материальной природы, собственной телесности – преодоление физических ограничений, диктуемых телом, всегда было одной из важнейших составляющих эскапизма [12]. Ранний Интернет, по мнению одного из исследователей современных информационных технологий Н. Карра, был связан с надеждами на существование в некоем трансцендентном (в данном случае – цифровом) мире, где человек может наконец раскрепоститься полностью, отбросить свою телесность, став лишь символической сущностью, которую он конструирует с нуля по своему желанию [13]. Цифровая коммуникационная среда обладала большой привлекательностью, были написаны сотни исследований, зачастую алармистского

толка, об аддиктивности интернет-среды, о зависимости от компьютерных игр и т. п. Однако с дальнейшим развитием технологий и все более широким их внедрением в повседневную жизнь людей «эскапистская» привлекательность Интернета утрачивается: как верно отмечают психологи А.Л. Журавлев и Т.А. Несвик, любые «технологии сначала выступают в качестве “игрушек”, затем они становятся “зеркалом” для самого общества, когда собственно техническая сторона продукта становится привычной, отходит на второй план, и внимание пользователей сосредотачивается на полезных свойствах, переходит с формы на передаваемое содержание» [14, с. 8].

Таким образом, Интернет и прочие цифровые средства перестают быть роскошью и диковинкой, а становятся неотъемлемой частью социальной жизни современного человека. Быть активным гражданином, работником, поддерживать связь с близкими – все это требует активности в виртуальном пространстве, использования цифровых коммуникаций. Выключить смартфон, игнорировать электронную почту и сообщения в социальных сетях сейчас практически невозможно себе позволить – это посчитают как минимум невежливостью, а скорее – необязательностью и безответственностью. В социальных сетях могут проходить важные социально значимые события, которые оказывают прямое воздействие на «оффлайн-вый» мир. Если раньше, условно говоря, «что происходило в Интернете, то и оставалось в Интернете», то теперь это не так: события зачастую видятся «подлинными», только получая отражение в цифровых коммуникациях; человек, отсутствующий в цифровом коммуникативном пространстве, оказывается «выключенным» из активной социальной жизни. В новой телеэкранизации антиутопии О. Хаксли «О дивный новый мир» очень точно схвачена характеристика нового общества: каждый член этого «идеального» общества постоянно использует глазную линзу, которая соединяет его личную жизнь – все, что он видит, – с жизнями всех других членов общества

в едином «потоке» (осовремененная версия стеклянных стен в «Мы» Е. Замятина и телевизоров из «1984» Дж. Оруэлла). В этом обществе приватность является преступлением, ты обязан быть на виду у всех. Этот антиутопический образ не так уж далек от современности. Поэтому создается парадоксальная ситуация, когда мультимедийная, сетевая жизнь становится для многих той главной «реальностью», от которой мы стремимся сбежать. Если романтики бежали от давления общества в горы и леса, к заброшенным руинам, то сейчас эскапистом будет выглядеть тот, кто отключает Интернет и погружается в «реальную» жизнь, не завязанную на сетевые коммуникации. Так то, что раньше считалось «искусственным» (городская среда), становится естественным по сравнению с виртуальным пространством Интернета. Основная область «социального давления» переносится в цифровые коммуникации, поскольку именно в них человек представлен перед всем человечеством, и от этой непосильной ноши индивид пытается убежать.

Заключение. Данное исследование продемонстрировало, что эскапизм присущ человеку независимо от его близости с природой или же погруженности в технологически-сконструированный мир. Эскапизм в первую очередь связан с преодолением ограничений человеческой природы: не имея возможности справиться с угрозами дикой природы, человек «убегает» от нее, создавая культуру; ограничения физического тела и страх смерти приводят к формированию представлений о душе и религии; монотонная рутина повседневности разбавляется искусством и массовой культурой, а воображение позволяет человеку в любой момент оказаться «не здесь» и «не сейчас», переносясь в воспоминания, мечты или самостоятельно конструируя новые «миры», некоторые из них приобретают конкретную форму цифровых виртуальных миров. Современные технологии позволяют человеку – пусть и не в материальном виде – мгновенно преодолевать расстояния для коммуникации с другими людьми. Однако одновременно с этим они создают дополнительные возможности

социального контроля над индивидом, и речь идет не о какой-то государственной «слежке», а о контроле всех членов общества за всеми, вынуждающем индивида соответствовать социальным ожиданиям и нормам.

Романтический эскапизм «к природе», как и современный эскапизм из Интернета в «реальный мир», во многом продиктованы одним и тем же – стремлением уйти от рутины и давления общества ради свободы быть самим собой, ради наиболее полной самореализации, ради творческого саморазвития. Но одновременно это попытка бегства от той – порой непосильной – ответственности, которую накладывает нахождение в обществе, ответственности, которая усиливается за счет того, что в современных коммуникационных технологиях жизнь индивида может проходить буквально на глазах у всего мира. Таким образом, эскапизм является не только бегством от природы к культуре (как полагает И-Фу Туан), и не только бегством от общества туда, где социальное давление ниже (будь то дикая природа или место, где не работает мобильная связь). Эскапизм не имеет однозначного направления бегства, но он является естественным движением человека от состояния, где ему плохо, к состоянию, где ему хорошо, а сами характеристики этих состояний индивидуальны. Для человека нет идеального места в мире – он не является полностью природным существом или полностью существом культурным, поэтому он бежит не от природы и не от культуры, он бежит от самого себя в предложенных обстоятельствах, стремясь изменить или себя самого, или мир вокруг, или же и то и другое вместе. Поэтому бессмысленно «обвинять» в провоцировании эскапизма телесериалы, наркотические вещества, социальные сети или пляжи Гоа – человек всегда будет искать то место, где ему лучше, и если он не будет находить такого места, то будет пытаться создать его сам, путем воображения или путем следующей за воображением реальной творческой деятельности, направленной на преобразование мира или отдельных его частей.

Список литературы

1. Беляева Л.А., Новикова О.Н. «Человек играющий» в эпоху постмодерна // Идеи и идеалы. 2018. № 3(37), ч. 2. С. 82–95. DOI: [10.17212/2075-0862-2018-3.2-82-95](https://doi.org/10.17212/2075-0862-2018-3.2-82-95)
2. Беловол Е.В., Кардапольцева А.А. Эскапизм «хороший» и эскапизм «плохой»: эмпирическая верификация модели // Приклад. юрид. психология. 2018. № 4(45). С. 38–48.
3. Труфанова Е.О. Эскапизм и эскапистское сознание: к определению понятий // Философия и культура. 2012. Т. 51, № 3. С. 96–107.
4. Tuan Y.-F. *Escapism*. Baltimore: The John Hopkins University Press, 1998. 246 p.
5. Шапинская Е.Н. Эскапизм в пространстве массовой культуры // Ярослав. пед. вестн. 2019. № 1(106). С. 180–185. DOI: [10.24411/1813-145X-2019-10295](https://doi.org/10.24411/1813-145X-2019-10295)
6. Кассирер Э. Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии: переводы / сост. и послесл. П.С. Гуревича; общ. ред. Ю.Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 3–30.
7. Степин В.С. Цивилизационного развития типы // Новая философская энциклопедия. Т. 4. М.: Мысль, 2001. С. 330–332.
8. Копылова Л.В. Развитие японского социума под влиянием НТП // Обществ. науки и современность. 2000. № 3. С. 46–50.
9. Yū Inutsuka. The Historical Development of the Concept of Technology in Japan // *Mechane*. 2020. P. 235–246.
10. Горохов В.Г. Техника и культура. Возникновение философии техники и теории технического творчества в России и Германии в конце XIX – начале XX столетия. М.: Логос, 2010. 376 с.
11. Жаринов Е. Роковой романтизм. Эпоха демонов. М.: АСТ, 2020. 576 с.
12. Башиарова Е.А. Эскапизм как следствие физических ограничений человека // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7: Философия. Социология и соц. технологии. 2015. № 4(30). С. 105–112. DOI: [10.15688/jvolsu7.2015.4.13](https://doi.org/10.15688/jvolsu7.2015.4.13)
13. Carr N. The Amoralism of Web 2.0. 2005. URL: http://www.rougthtype.com/archives/2005/10/the_amoralism_o.php (дата обращения: 01.12.2020).
14. Журавлев А.Л., Нестик Т.А. Психологические факторы негативного отношения к новым технологиям // Психол. журн. 2016. Т. 37, № 6. С. 5–14.

References

1. Belyaeva L.A., Novikova O.N. “Chelovek igrayushchiy” v epokhu postmoderna [“Homo Mobiludens” in the Era of Postmodernity]. *Idey i idealy*, 2018, no. 3, pt. 2, pp. 82–95. DOI: [10.17212/2075-0862-2018-3.2-82-95](https://doi.org/10.17212/2075-0862-2018-3.2-82-95)
2. Belovol E.V., Kardapol'tseva A.A. Eskapizm “khoroshiy” i eskapizm “plokhoy”: empiricheskaya verifikatsiya modeli [“Good” and “Bad” Escapism: Empirical Verification of the Model]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya*, 2018, no. 4, pp. 38–48.
3. Trufanova E.O. Eskapizm i eskapistskoe soznanie: k opredeleniyu ponyatiy [Escapism and Escapist Consciousness: Defining the Concepts]. *Filosofiya i kul'tura*, 2012, vol. 51, no. 3, pp. 96–107.
4. Tuan Y.-F. *Escapism*. Baltimore, 1998. 246 p.
5. Shapinskaya E.N. Eskapizm v prostranstve massovoy kul'tury [Escapism in Space of Mass Culture]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*, 2019, no. 1, pp. 180–185. DOI: [10.24411/1813-145X-2019-10295](https://doi.org/10.24411/1813-145X-2019-10295)
6. Cassirer E. Opyt o cheloveke: Vvedenie v filosofiyu chelovecheskoy kul'tury [An Essay on Man: Introduction to the Philosophy of Human Culture]. Popov Yu.N. (ed.). *Problema cheloveka v zapadnoy filosofii: perevody* [The Problem of Man in Western Philosophy: Translations]. Moscow, 1988, pp. 3–30.
7. Stepin V.S. Tsivilizatsionnogo razvitiya tipy [Types of Civilizational Development]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Encyclopaedia of Philosophy]. Vol. 4. Moscow, 2001, pp. 330–332.
8. Kopylova L.V. Razvitie yaponskogo sotsiuma pod vliyaniem NTP [Development of Japanese Society Under the Influence of Scientific and Technological Progress]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, 2000, no. 3, pp. 46–50.
9. Inutsuka Y. The Historical Development of the Concept of Technology in Japan. *Mechane*, 2020, pp. 235–246.
10. Gorokhov V.G. *Tekhnika i kul'tura. Vozniknovenie filosofii tekhniki i teorii tekhnicheskogo tvorchestva v Rossii i Germanii v kontse XIX – nachale XX stoletiya* [Technology and Culture. Emergence of the Philosophy of Technology

and Theory of Technological Creativity in Russia and Germany in the Late 19th and Early 20th Century]. Moscow, 2010. 376 p.

11. Zharinov E. *Rokovoy romantizm. Epokha demonov* [Fatal Romanticism. The Age of Demons]. Moscow, 2020. 576 p.

12. Basharova E.A. Eskapizm kak sledstvie fizicheskikh ogranicheniy cheloveka [Escapism as a Result of Human Physical Limits]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii*, 2015, no. 4, pp. 105–112. DOI: [10.15688/jvolsu7.2015.4.13](https://doi.org/10.15688/jvolsu7.2015.4.13)

13. Carr N. *The Amortality of Web 2.0*. 2005. Available at: http://www.routhtype.com/archives/2005/10/the-amortality_o.php (accessed: 1 December 2020).

14. Zhuravlev A.L., Nestik T.A. Psikhologicheskie faktory negativnogo otnosheniya k novym tekhnologiyam [Psychological Aspects of Negative Attitudes Toward New Technologies]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2016, vol. 37, no. 6, pp. 5–14.

DOI: 10.37482/2287-1505-V081

Elena O. Trufanova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences;
ul. Goncharnaya 12, str. 1, Moscow, 109240, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2215-1040> e-mail: eltrufanova@gmail.com

ESCAPISM: BETWEEN NATURE AND CULTURE

This paper dwells on the phenomenon of escapism and suggests regarding it as a natural human need that has not only a negative, but also a productive form. The author analyses the idea of escapism as a human escape from natural threats by creating culture and “second nature” (proposed by the cultural geographer Yi-Fu Tuan). It is shown that, indeed, even those human societies that are closest to nature cannot survive without culture and technologies. Further, it is demonstrated that in the late 18th – early 19th centuries because of scientific and industrial revolutions the cultural trend of Romanticism rejects the technogenic society and rationality. Instead, it takes interest in nature as reflecting the emotional, intuitive components of the human spirit. Wild natural landscapes, to which a romanticist wishes to escape, are attractive not just in themselves, but because their contemplation becomes a way for a person to better understand his/her inner world. Wild nature is also appealing to a romanticist because being alone with it a person is free from the pressure of the society that is turning into a mass society with high level of bureaucracy. With the onset of the Internet era, many people tend at first to escape to the virtual world with no limitations, but over time the Internet becomes an integral part of the social life of all people, thus losing its escapist appeal. On the contrary, another wish emerges: to escape from the Internet (which can be regarded as “third nature”) and from the total social control exercised by other Internet users back to the “real” – offline – world. Thus, a conclusion is drawn that escapism is not provoked just by natural threats or social pressure: a person wishes to escape not from nature or culture, but from the situation where he/she feels bad to a better situation, and while searching for such a place a person can act as a creative force that changes the world.

Keywords: *escapism, Romanticism, travel, nature, culture, digital communication, Internet, social pressure.*

Поступила: 24.08.2020

Принята: 14.12.2020

Received: 24 August 2020

Accepted: 14 December 2020

For citation: Trufanova E.O. Escapism: Between Nature and Culture. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2021, no. 1, pp. 125–134. DOI: 10.37482/2287-1505-V081